

МАСТЕРСТВО ПЕРЕВОДА

Давид Самойлов не принадлежит к тем поэтам, за которыми по пятам следует шумная слава. Никогда не поднимало его на гребень «модной волны». Творчество его устойчиво, популярно, имеет своего постоянного читателя. Начав свой поэтический путь еще до войны, он опубликовал первую книгу только в 1958 году, а затем с многолетними паузами выпускал небольшие сборники стихов, которые мгновенно исчезали с прилавков магазинов. Из них к шестидесятилетию поэта сложился всего один итоговый том со скромным названием «Избранное».

В стихах Д. Самойлова редка для современной поэзии гармония. В его строках — не созерцательность, не равнодушие. Это синтез, итог напряженной душевной работы, за этим стоят высокая культура, ищущая мысль и тонкое чувство, любовь к людям, природе, искусству, способность иметь глубоко личное отношение ко всему.

Творчество Д. Самойлова опирается на лучшие традиции русской поэзии. Его стихи отличаются ясностью, пластичностью и краткостью, обязанная блестящему владению деталью. В Самойлове уживаются лирик и мыслитель — наверное, поэтому ему удается достичь трудного сочетания философичности и легкости, музыкальности стиха. А его поэмы подкупают непринужденностью, естественностью повествования и в то же время — емкостью, насыщенностью каждой строки.

Несколько месяцев назад в Вильнюсе вышла книга «Тень солнца»* — переводы Д. Самойлова из литовской поэзии.

Переводя поэтов разных времен и народов, он неизменно сохранял глубокий интерес к литовской поэзии. Личная дружба, многолетние творческие контакты связывают его с видными литовскими авторами. Он много раз гостил у нас в республике, принимал участие в праздниках «Весна поэзии», семинарах переводчиков. Наверное, одним из таких посещений навеяно стихотворение «Дворик Мицкевича», пронизанное любовью к янтарному краю. Этим стихотворением, кстати, и открывается книга «Тень солнца».

Круг поэтов, чье творчество Д. Самойлову хочется приблизить к русскому читателю, не случаен. Конечно, же, есть внутреннее тяготение его поэтической индивидуальности к лирике С. Нерис, А. Малдониса, М. Мартиняйтиса, к философской глубине творений В. Миколайтиса-Путинаса, Э. Межелайтиса, Ю. Марцинкявичюса.

Проблемы поэтического перевода обсуждаются издавна. Возможен ли точный эквивалент стихотворной строки на другом языке? Вправе ли переводчик оставлять в своей работе след собственной индивидуальности? Давид Самойлов мог бы, видимо, ответить словами Л. Мартынова: «Любой из

нас имеет основание добавить, беспристрастие храня; в чужую скорбь свое негодование, в чужое тленье — своего огня». Переводы Самойлова — лучшее доказательство тому, что именно добавление «своего огня» позволяет приблизиться к подлиннику, передать внутреннюю энергию чужого стиха. Вот изумительная миниатюра С. Нерис «Сирень»:

Когда не жила я —
Сирень расцветала,
Когда отживу я —
Сирень расцветет.
И вновь опадет,
Как всегда опадала,
От солнца и ветра, и
от непогод.
Цветок, как песок,
На меня упадет.

Переводчик передает и задумчивую интонацию, и безыскусность стиха, и даже синтаксический рисунок, идентичный оригиналу.

Очень точно воспроизводит Самойлов масштабность и мощь поэзии В. Миколайтиса-Путинаса. Великолепный слог и впечатляющая космогония этого поэта до сих пор не стали в полной степени достоянием русского читателя:

И дух одинокий,
измученный болью,
Как птица из клетки
взметнется к свободе,
К неведомым звездам,
к непознанным тайнам,
К великому счастью —
для жизни извечной!

Произведения Эдуардаса Межелайтиса переводили, наверное, все лучшие советские

поэты. Нелегко передать энергию его мысли, причудливость ассоциаций. Давиду Самойлову удастся, не потеряв философского содержания, сохранить теплоту красок, музыкальность — истинные черты литовской поэзии:

Желтеющий лист посылает
мне ветка,
как птицу, крыло
у которой сломалось.
И вздохи ноктурна
и запахи ветра
в окне занавеску вздувают,
как парус.

Но, пожалуй, предельного слияния с первоисточником достигает Самойлов в переводах А. Малдониса. Гармония мысли и чувства, ясность и умиротворенность, порой скрывающие внутренний драматизм, — все это характерно и для русского, и для литовского поэтов:

Верь, трудное блаженство
минет вскоре.
Страданье обретет
жемчужный блеск.
Пребудет мысль и воля.
И во зоре
Лишь тонкий нож луны
блеснет с небес.

Вступив в свое седьмое десятилетие, Давид Самойлов полон творческой энергии, поисков. Без сомнения, еще не раз поразит воображение, заденет сердца своих читателей этот замечательный Мастер и большой друг литовской литературы.

Я. ШАУС.

* Давид Самойлов. Тень солнца. Вильнюс. «Вага», 1981.